

Марко Мюллер в Институте итальянской культуры рассказал о предстоящем форуме и о достоинствах нового российского кино, необычайно широко представленного на 63-й «Мостре».

Если вообразить себе идеального руководителя большого арт-форума — тонкого ценителя кино и опытного менеджера, способного «увести» у конкурентов очередную шедевр классика или открытие на карте кино новый киноматериал, то это Марко Мюллер. Человек мира, в жилах которого течет итальянская, швейцарская, греческая и даже бразильская кровь. Несколько высших образований, владеет европейскими языками плюс некоторыми азиатскими. К примеру, свободно говорит на пяти китайских диалектах. В 80-е — влиятельный кинокритик. Один из основателей Туринского смотра, директор фестивалей в Пезаро, Бергамо, Роттердаме, до недавнего времени возглавлял фест Локарно. Пишет книги. Продюсирует арт-кино, в том числе наше «Солнце», снятое Александром Сокуровым.

Марко Мюллер. В этом году фестиваль соответствует нашим ожиданиям от кинематографа. После долгих попыток мы нашли фильмы, обладающие гармонией художественного качества и эмоционального заряда.

На мой взгляд, это важный год для российского кино. Не случайно появилось много ярких дебютов. Один из них — «Эйфория» Ивана Вырыпаева — будет показан в первые дни форума в основном конкурсе. Есть существенное отличие новых русских картин. Вера в пластику, дающая особую энергию. «Остров» Павла Лунгина поразителен решением темы, незаурядным эстетическим подходом. Фильм завершит «Мостру». Знаете, обычно открывают и закрывают большие фестивали красочные «американские машины». В этом году мы подарили Венецианскому кинобиеннале просветленный финал.

Нашим подбором российских картин мы хотим «отомстить» особому устоявшемуся характеру европейского кино. Хотя, конечно, оно неоднозначно. К примеру, в Италии возникли новые имена талантливых актеров. Но мы можем только завидовать той беспрецедентной работе, которую провели с актерами Павел Лунгин и Иван Вырыпаев. Хотелось бы таких актеров «экспортировать» в Европу, это сказалось бы на качестве нашего кино.

Теперь про отбор. У нас не было и не существует критерия по национальному признаку. Мы хотели разгрузить фестиваль, сделать его более легким, подвижным, чтобы зритель сразу мог очутиться там, где пульсирует живое кино. По этому критерию мы отдали предпочтение трем русским картинам, позволяющим почувствовать пульс кино. Но столь же внимательно мы проводили работу по поиску фильмов из других стран. Фильмы мы выбирали сначала сердцем, потом уже головой. Признаюсь, во время показа «Эйфории» наибольшие переживания я испытал «животом» — нутром.

«Новая газета». Возник любопытный феномен последних лет: нас игнорируют Канн, Берлин, а Венеция год за годом активно поддерживает российское кино, высоко оценивая его качество. В чем тут причина?

Мюллер. Вы себе даже не представляете, насколько драматичен процесс отбора фильмов. Как мы спорили! Мы посмотрели 1429 только полнометражных картин! Можете себе представить, в каком состоянии были наши пять членов отборочного комитета? Но каждый год они должны заново влюбляться в кино, в том числе и в российское. И, по-моему, у них это получается.

Однако фильмы, принятые «головой», не переживают даже первого раунда обсуждений. Русские картины по-настоящему нас заделали. На самом деле было не три, а пять фильмов, заслуживших одобрение отборщиков. Финальный черт конкурсного списка почти достигли новая картина Киры Муратовой

«Еще две истории: одна простая, другая сложнее» и игровой дебют «Тюльпаны» режиссера-документалиста Сергея Дворцевого.

Мы остановились на русских фильмах с мощным художественным зарядом, но при этом притягивающих широкую публику. В «Эйфории» режиссеру удалось перевести театральную природу актерской работы в кинематографическую. Отсюда ощущение дыхания каждого сантиметра киноплёнки. Думаю, после этого фильма с меня донских пейзажей довольно. Но вместе с тем режиссер словно промыл мне глаза, я вернулся к наивности, первозданности восприятия. Иначе увидел эту природу, может быть, излишне жестокую, но именно она диктует взаимоотношения между людьми. И нас, зрителей, это придавливает. Мы еще сильнее соперееживаем персонажам. Как продюсер я бы немедленно пригласил всех трех актеров к дальнейшей работе.

Директор Венецианского кинофестиваля Марко МЮЛЛЕР:

«Мы остановились на русских фильмах с мощным художественным зарядом»

Венеция закончит «Островом»

«Новая газета». Вы сказали, что «Эйфория» почувствовала «животом», а «Свободное плавание»?

Мюллер. Знаете, вся отборочная комиссия смотрела фильм Бориса Хлебникова с вниманием, восхищением, удивлением. Так безмолвно и досидели до титров. И вдруг услышали песню Тото Кутуньо, вскочили с мест — фильм вмиг был принят. Но наш отборщик по России Алена Шумакова рьяно боролась за все 37 фильмов вашей страны.

Марко Мюллер рассказал еще об одном уникальном событии — ретроспективе «Секретная история русского кино» в рамках «Мостры». Наум Клейман уточнил, что название программы — не точный обратный перевод. Речь идет не о секретной, а о скрытой или сокровенной истории — подобные программы призваны восстановить непрерывность кинопроцесса. Ведь народные любимцы Пырьев и Александров — ученики известного всему миру Эйзенштейна. Среди фильмов проекта не только знаменитые в СССР картины Александрова и Пырева, но покажут и раритеты: «Гармония» Игоря Савченко и Евгения Шнейдера, «Щедрое лето» Бориса Барнета, «Наш милый доктор» Шакена Айманова... За-

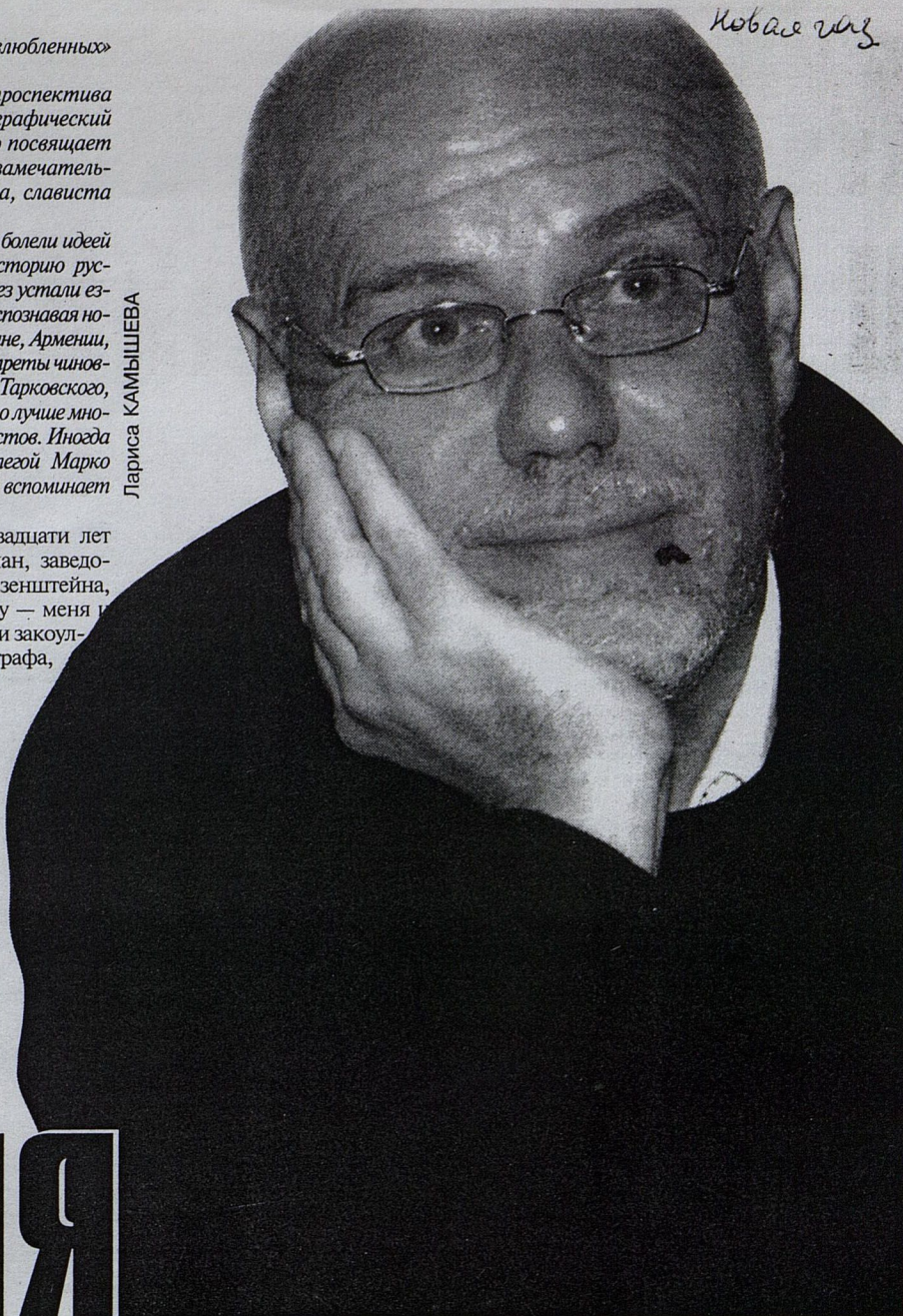
вершит показ «Романс о влюбленных» Андрея Кончаловского.

Для Мюллера эта ретроспектива имеет особый, даже биографический акцент. Он признался, что посвящает программу памяти друга, замечательного итальянского критика, слависта Джанни Бутафа.

Когда-то они с Джанни болели идеей показать неофициальную историю русского кино. В 70-е Бутафа без устали ездил по республикам СССР, распознавая новые таланты в Таджикистане, Армении, Грузии. Прорываясь сквозь запреты чиновников и эбистов к фильмам Тарковского, Иоселиани. Он знал новое кино лучше многих отечественных специалистов. Иногда он приезжал вместе с коллегой Марко Мюллером. Вот как об этом вспоминает сам Мюллер.

— Это было более двадцати лет назад. Тогда Наум Клейман, заведовавший кабинетом Эйзенштейна, буквально брал нас за руку — меня и Джанни — и вел дорогами и закоулками русского кинематографа,

Лариса КАМЫШЕВА

Нет сомнений, подобная программа, составленная из музыкальных картин, притягательная и для искусствоведов и для широкой публики, — украшение любого форума. Но отчего-то именно Венецианский фестиваль в последние годы продуманно и поступательно продвигает, открывает всему миру настоящее российское кино и его прошлое. Почему-то именно Венеция, а не ММКФ.

Венецианский фестиваль не только дарит всемирную известность нашим режиссерам. Он и нам самим «промывает глаза», избирая лучшее, указывая вектор движения.

Так было два года назад со Звягинцевым. Сейчас именно Венеция превращает в именитых дебютантов Ивана Вырыпаева и Бориса Хлебникова. Все потому, что возглавляют «Мостру» подвижники, фанаты, в кино влюбленные.

Наша история помнит подобные примеры. Когда-то Ульрих и Эрика Грегоры, Вольф Доннер вытягивали из советского болота во враждебный Берлинский фестиваль, в зону оккупации, фильмы Василия Шукшина, Родиона Нахапетова, Сергея Соловьева, Ларисы Шепитько, Отара Иоселиани.

Грегорам удалось вытащить даже «Большую зеленую долину» Мераба Кокчашивили, в СССР так и не выпущенную.

Мюллер помогал молодым Пазолини, Бертолуччи, Параджанову обрести планетарную известность. Он вводил в моду кинематограф Латинской Америки. Сегодня активно поддерживает кинематографии малоразвитых стран. В программе предстоящего фестиваля — фильмы республики Чад, Малайзии, Таиланда, Бразилии.

Так что же такое идеальный директор кинофестиваля? Не только отражатель текущего кинопроцесса, но его соучастник, творец, у текущего, ускользающего настоящего выхватывающий крупинки вечного...

● Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»

«Хотелось бы российских актеров «экспортировать» в Европу, это сказалось бы на качестве нашего кино»